

УДК 130.2

ДИАЛОГ ФИЛОСОФИИ И ЛИТЕРАТУРЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ «ФИЛОСОФСКОГО РОМАНА» КАК ЖАНРА В ГУМАНИТАРНОЙ КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Еникеев А. А.

*Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, г. Краснодар,
Российская Федерация*

E-mail: rizoma69@yandex.ru

Статья посвящена описанию проблемы взаимодействия философии и литературы в гуманитарной культуре современности. Выдвигается предположение, согласно которому коммуникативный характер современной культуры вынуждает как литературу, так и философию искать новые формы выражения значимого содержания культурной традиции. Традиционно считалось, что философия занимается изучением действительности в рациональных категориях и понятиях, а литература связана с образно-символическим постижением действительности. Однако современные дискуссии по данной теме указывают на гораздо более близкие связи между философией и литературой. Между философией и литературой имеет место определенная жанровая близость, которая прослеживается еще со времен античности и воплощается в современном «философском романе». В работе анализируются особенности отечественного философского романа на примере двух авторов: Д. Галковского и А. Пятигорского. Роман Галковского носит выраженный «идеологический» характер, поскольку описывает исторический и национальный характер русской философии и литературы. В статье дается анализ основных дискуссий вокруг данного произведения, определяются жанровые особенности текста: фрагментарность, литературоцентричность, интертекстуальность, гипертекстуальность, «провокативность». Делается вывод, что несмотря на «маргинальность» текста Д. Галковского он оказался достаточно показательным и характерным явлением русской «постмодернистской» литературы. Философские романы А. Пятигорского выполняют иную функцию в гуманитарном дискурсе современности. «Философский роман» Пятигорского – это пространство диалога, где герои вступают во множество вербальных контактов, тем самым выражая сущностное предназначение человека. Второй особенностью романов Пятигорского является ярко выраженная когнитивная функция рассказчика, это «романы мышления». Третьей жанровой особенностью романов Пятигорского является особая позиция наблюдателя, которая описывается им как часть «обсервационной философии». В статье делается вывод о перспективности разработки жанра «философского романа», что будет актуальным при решении следующих проблем современного гуманитарного дискурса: проблемы субъекта, реальности, языка, определения места философского текста в современной культуре.

Ключевые слова: гуманитарная культура, текст, философский роман, жанр..

Введение

В современной гуманитарной культуре можно увидеть весьма продуктивный диалог между философским и литературным дискурсом. Общность рассматриваемых проблем и языковой характер их решения сближают методы философской рефлексии

и аналитики с дескриптивными стратегиями литературного дискурса. Диалог между философией и литературой носит не только сугубо мировоззренческий, но и концептуальный характер. В пространстве данного диалога вырабатываются концептуальные подходы к пониманию человека, смысла его жизни, роли в исторических, социальных, культурных процессах современности. Можно согласиться с мнением И. Т. Касавина, справедливо замечаящего, что «...быть может, литература сделала в познании человека не меньше гуманитарных наук, философии в том числе, и в этом смысле она есть подлинная база философской антропологии» [1, с. 74]. Философия находится в определенной зависимости от литературы, считает И. Касавин. «Много, очень много примеров использования литературы в философском дискурсе – как объекта исследования; как дескриптивно-феноменологического, нарративного, диалогического, утопического метода; как формы обоснования или иллюстрации идеи» [1, с. 75]. Философия и литература взаимно обогащают друг друга, расширяя взаимный словарь, используя общие метафоры и понятия, экспериментируя в пространстве жанров и стилей выражения мысли.

1. Жанровая близость литературы и философии

Существует мнение, что жанры философского текста возникли позднее жанров литературы и их развитие было своеобразной реакцией на необходимость «владеть аудиторией» возможных слушателей (читателей) философского дискурса. Поэтому, например, Гераклит, выбирает краткий жанр апофтегм, а не гномов или хрий. «В отличие от своих более южных соседей милетцев «темный» Гераклит максимально сузил круг своих возможных слушателей. Он писал, как оракул, афористически... Форма его сочинения существенно отличается от того, как писали его предшественники. Плутарх оценивает сочинения Гераклита как изречения... Изречения были трех родов (по степени драматизации) – гномы, апофтегмы и хрии. Гераклит выступает в жанре апофтегм – сентенций. Именно в жанре изречений философия позже становится достоянием широкой публики» [2, с. 449].

Развитие литературных жанров (особенно романа) в европейской культуре тесно связано с эволюцией жанров философского дискурса. Наиболее актуальным это представляется для понимания сегодняшней коммуникативной культуры, поэтому можно согласиться с мнением А. Алексеева, обобщающего результаты «круглого стола» в журнале «Вопросы философии» [см. 1] следующим образом: «Соотнесение философии с литературой (и литературоведением) становится особенно актуальным сегодня, когда и настоящая литература, и “большая философия”, отстаивая свои законные права в системе культуры, не могут игнорировать ни следствий, вытекающих из обретения текстом статуса информационного продукта, ни необходимости переосмысления задач и методов образования» [3, с. 38].

Заслуживает внимания позиция Н. Автономовой, замечаящей, что стираются границы между философским и литературным дискурсом и это особенно актуально для современного состояния гуманитарной мысли. «В наши дни проблема возникает именно потому, что пошатнулись и стали размываться эти границы. И в результате, возникает вопрос об ином культурном статусе и философии, и литературы в

современном мире. Обнаруживается, что, с одной стороны, не только философия, но и литература является мыслью (т. е. стремиться выразить прежде всего смысл в его наиболее чистом, абстрактном виде), а с другой стороны, что не только литература, но и философия является письмом – скажем, по Ж. Деррида, – особым способом обращения с языком, который не сводится к формулировке суждений, но придает языку особый онтологический статус и особые способы функционирования в культуре» [4, с. 173]. Поскольку и современная философия, и литература «озабочены» языком, их диалог неизбежен и продуктивен, обогащая гуманитарный дискурс и расширяя коммуникативные границы современной культуры.

О жанровом сближении философии и литературы говорят многие современные исследователи, предлагая пересекающиеся в смысловом плане классификации (философской) литературы [5]. Или настаивая на параллельной эволюции и взаимовлиянии философского и литературного дискурса, вплоть до заимствования семантического арсенала выражения мысли [6]. А также подчеркивая принципиальную незавершенность (и потому перспективность) разработки жанров философского дискурса в качестве «концептуальных единиц в целостном контексте духовной культуры» современности [7].

Если говорить о современном состоянии проблемы, то можно в целом согласиться с мнением Н. Автономовой, утверждающей, что сближение философии и литературы началось наиболее активно в эпоху постмодерна. «К сторонникам описанного выше сближения философии с литературой на Западе относят сегодня в основном представителей, так называемой, постмодернистской тенденции, в большинстве своем – современных французских авторов» [4, с. 174]. Следует также предположить, что динамика развития представлений о роли и значении философского текста в гуманитарной культуре современности требует поиска новых методологических процедур анализа значимого содержания культурной традиции [8, с. 16–23].

2. «Философский роман» как жанр

В пространстве современного российского гуманитарного дискурса появился новый объект исследования, который получил название «философский роман». Некоторые исследователи полагают, что он стал генетическим преемником «психологического романа» (термин Л. Гинзбург) или даже «романа идей», уходящего своими истоками в литературу XIX века (в России это романы Ф. Достоевского, Л. Толстого, И. Тургенева). Другие полагают, что появление философского романа является следствием «эволюции жанров» (термин С. Зенкина) философского дискурса и поэтому этот процесс выходит за границы литературной традиции в область современной философии как таковой. Так или иначе, современный философский дискурс активно использует литературную форму романа для расширения своих возможностей в донесении нюансов человеческой мысли и слова. Наиболее яркими примерами могут служить такие произведения, как «Бесконечный тупик» Д. Галковского [9], а также философские романы А. Пятигорского и А. Секацкого.

2.1. Вариант Д. Галковского

Достаточно резонансным для современного философского дискурса оказался «философский роман» Д. Галковского, который в духе постмодернизма оказался уникальным по композиции (состоящим преимущественно из примечаний) и достаточно скандальным по содержанию, что также является «хорошим» признаком современной литературы. Вокруг романа сразу сложилось неоднозначное «интерпретативное поле», в котором данное произведение пытались «конкретизировать» и контекстуально определить. Некоторые исследователи настаивают на «литературоцентричности русской истории» как главном мотиве романа Д. Галковского. «Контакт и взаимопроникновение в «Бесконечном тупике» истории, философии и литературы способствует выдвиганию версий, рассмотрению возможных вариантов, формирующих литературный подтекст известных исторических событий» [10, с. 17].

Фрагментарность текста романа также является частью композиционного замысла, поскольку отражает фрагментарность русской истории (с ее склонностью к «забвению» и «вспоминанию») и фрагментарность русского мышления, менталитета, «русской национальной идеи». «Исследуя природу национальной идеи, автор обращается к культурному коду истории, включая на равных с собственными комментариями отрывки из художественных произведений разных эпох, публицистические и философские работы разных авторов, расширяя таким образом пространство повествования. Более того, Галковский признает, что иррациональность национальной идеи диктует выбор фрагментарной формы повествования...» [10, с. 19]. Вот почему «главным персонажем» книги (кроме самого автора или его альтер-эго) является также достаточно «скандальный» и неоднозначный русский философ В. Розанов, именно его фрагменты комментирует Д. Галковский на протяжении всего своего произведения. «Выделяя фрагментарность как основную черту русского мышления, Галковский возводит ее в ранг онтологической категории мышления. Писатель характеризует эту категорию как причину трагичности русской истории и русского государства...» [10, с. 19].

Другие исследователи творчества Д. Галковского подчеркивают «постмодернистский» контекст его произведения, рассматривая его как часть гипертекстового (фрагментарного и в то же время пересекающегося как система ссылок) «национального проекта». «Постмодернистская теория интертекстуальности получает в романе Д. Галковского исключительно национальное объяснение. В соответствии с логикой постмодерна, пространство текста соткано из цитат. Это «цитаты без кавычек», выпавшие из процесса филиации, анонимные, неуловимые, но читанные уже не раз. Д. Галковский предлагает пародийную интерпретацию феномена интертекстуальности» [11, с. 114]. Такой подход заметно расширяет творческий потенциал «философского романа», делая его частью актуального дискурсивного процесса, что особенно важно для современной русской культуры. «Постмодернистская система философствования адекватна механизму движения русской мысли – к этому выводу приходит Д. Галковский. В результате гипертекстовая структура романа становится единственно возможной формой для размышлений о русском языке, а постмодернистская теория интертекстуальности оборачивается тезисом о «порочной пустоте» русской литературы и графоманстве

русских писателей» [11, с. 116]. Компенсировать эту «порочную пустоту», судя по всему, и должен «философский роман» Д. Галковского, объединяя литературность и философичность русского мышления в единый национальный проект.

Идеологический характер текста Д. Галковского подчеркивает и С. Оробий в своей фундаментальной монографии, посвященной «Бесконечному тупику» [12]. Отчасти это связано с идеологической «нагрузкой», которая всегда сопровождала русскую литературу («поэт в России больше, чем поэт») и поэтому неизбежна политическая «ангажированность» литературного дискурса, о которой говорят многие исследователи (от протопопа Аввакума до А. Солженицына). В то же время можно согласиться с автором, что доминирование «идеологического дискурса» в русской литературе и философии связано с именем Ф. Достоевского, послужившим в этом вопросе своеобразным «центром канона». «Сформировавшись в русле классической отечественной словесности XIX столетия, идеологический дискурс нашел наиболее последовательное и в то же время диалектически противоречивое воплощение в творчестве Достоевского» [12, с. 40].

Не вдаваясь в подробности и аргументацию, следует согласиться с мнением С. Оробия, который считает, что диалог философии и литературы в русской культуре следует воспринимать сквозь призму «идеологии». Причем не только в политическом смысле этого термина, но в буквальном – как «власть идеи», и в этом смысле все великие русские писатели (равно как и философы) были идеологами, «властителями дум», во всяком случае, стремились к этому. «Характер развития русской мысли таков, что собственно литературный и философский план постоянно находятся друг с другом в состоянии взаимодействия, сходятся в точке особого, идеологического, дискурса, структура которого поэтому не остается неизменной. Маятник русской мысли колеблется от манифестированных форм (Чаадаев) к «подпольным» исповедям (Достоевский), размышления о русской самобытности то облачаются в абстрактно-понятийную форму, то принимают характер образных повествований» [12, с. 59].

Если говорить о жанровой природе «философского романа» Д. Галковского, то в этом вопросе можно согласиться с мнением В. Руднева, замечаящего, что в тексте романа «...последовательно применены три основные риторические фигуры поэтики XX в.: текст в тексте (комментарии к собственным размышлениям); интертекст (коллаж цитат – скрытых и явных) и гипертекст (читать «Бесконечный тупик» можно по-разному – сплошняком, как он написан; ориентируясь по номерам и страницам гипертекстовых отсылок; или «тематически», как это делалось при фрагментарных журнальных публикациях романа)» [13, с. 60]. Здесь важно подчеркнуть то обстоятельство, что современный культурный текст (философский, но особенно литературный), как правило, не только использует несколько риторических стратегий (что сразу предполагает нелинейный характер его композиции), но и задает стратегии чтения, помещая читателя в сложные условия множественного выбора.

Заслуживает внимания и мысль В. Руднева о том, что особенности «философского романа» Д. Галковского во многом инспирированы особенностями русского языка, пластичного и весьма пригодного как для литературной, так и для философской «деятельности». «Русский язык, по мнению автора «Бесконечного

тупика», обладает тремя фундаментальными признаками: креативностью (все сказанное превращается в действительность); революкативностью, то есть оборотничеством (все сказанное превращается в действительность, но в наиболее искаженном, нелепом и неузнаваемом виде); провокативностью (склонностью к издевательству, глумлению, юродству)» [13, с. 61]. В этом «сила» философского романа Д. Галковского и В. Руднев делает выводы о том, что «Бесконечный тупик» «...может быть, последний великий русский роман, а Галковского можно считать последним великим русским писателем» [13, с. 61]. Такая высокая оценка творчества достаточно «маргинального» автора со стороны известного философа заслуживает внимания как свидетельство продолжающегося диалога между философией и литературой в современном культурном дискурсе.

2.2. Вариант А. Пятигорского

Образцом «философского романа» может считаться проза известного философа А. М. Пятигорского, именно он задал своеобразные параметры «каноничности» данного жанра в современной российской гуманитарной парадигме. Сам А. Пятигорский довольно иронично оценивает свой «литературный опыт», говоря в предисловии о том, что он «никакой писатель». «Я – не писатель. Эта оговорка сделана не из боязни, что меня сочтут плохим писателем. Подобного рода обвинения я отвергаю заранее, потому что я – никакой писатель. Я – плохой философ, но все же философ. А это предполагает определенное отношение к тексту (и к самому себе, ведь ты тоже некоторым образом текст). Текст для философа есть то, что всегда содержит какое-то мышление, какое-то знание, и непременно – позитивное» [14, с. 28]. Здесь философ сразу обозначает тот контекст, в котором необходимо рассматривать «философский роман», речь идет о мышлении как необходимом условии бытия человека, в том числе в культуре, что предполагает наличие некоторого «текста», даже если этим текстом является сам человек, как это было с А. Пятигорским. Мышление оказывается тем подлинным персонажем «философского романа», который локализуем лишь временно и частично, поскольку постоянно ускользает от четкого определения, но всегда выступает как своеобразный интеллектуальный фон повседневной жизни.

Так в предисловии обозначается и главный сюжет «философского романа» – игра сознания на поверхности повседневной жизни. Главная задача проста и в то же время масштабна, как подлинное философское занятие – понимание сознанием самого себя, но не средствами философии, а путем литературного (вымышленного и потому в определенном смысле слова «фиктивным») проживания и переживания событий прошлого. Индивидуально сознание здесь как бы растворяется во множестве вариантов собственной реализации, поскольку описываемые события – это только один возможный сценарий развития жизненного сюжета, но всегда нужно помнить о других возможностях.

«Философия одного переуллка» по структуре довольно разноплановый роман, в нем перемешиваются временные и пространственные слои повествования, смешиваются «дискурсы» и единство произведения обеспечивается, возможно, только диалоговой (разговорной) формой повествования. В интервью, которое

сопровождает издание романа, А. Пятигорский на вопрос о том, какова же главная идея романа, отвечает, что это разговор как главная идея всей человеческой жизни. «Это, конечно, идея жизни, жизни как разговора о том, что самой жизни гораздо важнее. Собственно, эта точка зрения в книге изложена. То есть, казалось бы, описываются какие-то почти реальные события (и действительно, почти ни одно событие не является нереальным), но описываются они словами тех людей, для которых любое реальное событие – только повод, предлог о чем-то поговорить» [14, с. 189].

В. Сорокин в своем послесловии к роману А. Пятигорского также акцентирует наше внимание на «разговорном» характере самого произведения как его подлинной сути. «Эта проза выросла, выпилась из тысяч яростных, пятигорских разговоров на улицах, на лестничных площадках, в советских коммунальных и отдельных квартирах, в курилке Ленинской библиотеки и в библиотеках европейских, в поездах дальнего следования, в лондонских скверах и пабах, в университетских аудиториях, в московских столовых и парижских кафе, в спальнях и кабинетах» [14, с. 215]. Жанр «пятигорского» разговора предполагает также и яркую личность рассказчика, мемуарность или, по меньшей мере, автобиографичность текста. В философии этот тип дискурса получил маркировку «рефлексивности», предполагающей мышление и язык как данности субъективного сознания. Такая проза и от читателя требует напряженного внимания, усилия для понимания, для «вступления» в диалог с автором. «Это жесткая проза, требующая от читающего напряжения и внутренней работы. Она в хорошем смысле агрессивна, ибо не оставляет времени на вхождение в текст, а сразу ставит перед выбором: читай, работай вместе с автором – или проваливай» [14, с. 215]. В этом, думается, уникальный опыт «философского романа», предложенный читателю А. Пятигорским.

К. Кобрин в своем «предисловии» сразу обозначает тот «контекст», в котором следует понимать тексты А. Пятигорского – это контекст «жизненной ситуации мышления». «Его жесты, слова, книги перемешаны настолько, что отделить одно от другого просто невозможно. Используя его же собственную метафору, Пятигорский является некой «ситуацией», ситуацией жизненной и ситуацией мышления, в которой мы можем оказаться – а можем и не оказаться» [14, с. 223]. К. Кобрин обобщает все эти «ситуации» А. Пятигорского в одну – ситуацию его романов, которая имеет несколько модусов своего существования. «Прежде всего: его романы – с точки зрения профессионального беллетриста и профессионального критика – выглядят литературно довольно беспомощными. Это касается и композиции, и сюжета» [14, с. 228]. Сюжетная беспомощность и то, что «герои, все, как один, говорят одинаково» выполняет в философском романе А. Пятигорского одну важную функцию – обеспечивает единство виртуального «героя», ведь он действительно один, поскольку этим героем является мышление (сознание) как таковое, которое, согласно буддистским воззрениям автора, едино и безлично в принципе.

По мысли К. Кобрина ситуация романа А. Пятигорского непосредственно связана с «ситуацией истории», в которой оказываются его герои (герой) и которая становится контекстом всего повествования. В этой связи, исторический контекст

романов А. Пятигорского сближает его «философский роман» с текстом упомянутого выше Д. Галковского, также предлагающего свое собственное прочтение истории [10] через возможности (подчас упущенные) русской литературы. Но герои А. Пятигорского избегают исторического контекста, занимая позицию «наблюдателя», это спасает их от разрушительного воздействия среды. «Лишь некоторые, избранные (а все романы Пятигорского как раз об избранных) видят, что происходят, и тогда они должны стать чужими этой ситуации контекста, отойти в сторону, превратиться из «действителя» в «наблюдателя» – и только это может спасти личность от тотального обесмысливания» [14, с. 230]. Избежать истории можно только «выпаив из времени», то есть, заняв по отношению к нему иную пространственную позицию, по-иному локализовав себя.

Возможно, осмысление того вклада, который внес А. Пятигорский в понимание возможностей и перспектив развития «философского романа» произойдет позднее, когда данный жанр займет свое законное место в структуре гуманитарного дискурса современности. В этой связи можно назвать еще некоторых современных отечественных мыслителей, которые также «работают» в междисциплинарном пространстве «философского романа». Это, в первую очередь, Евгений Торчинов, автор жанра «трансперсонального романа» [15], опубликованного после его смерти. Особого внимания заслуживают также литературные опыты известного петербургского философа Александра Секацкого, в частности его «философские романы» [16; 17], в которых развивается нестандартный взгляд на проблемы современной культуры и философии. К сожалению, анализ данных произведений выходит за рамки нашего исследования, поэтому ограничимся описанием вклада в «философский роман» со стороны двух вышеупомянутых мыслителей – Д. Галковского и А. Пятигорского.

Заключение

Подводя итоги, следует сказать, что культурная ситуация, в которой оказываются сегодня философия и литература, требует переосмысления ряда классических положений. В частности, необходима «новая онтология» понимания происходящих в культуре процессов, которая позволит в эпоху масс-медиа занять достойное место (или хотя бы не потерять свой статус) со стороны как философии, так и литературы. Также требует переосмысления функция субъекта (автора и читателя), которая расширяет пространство интерпретации произведения. В конечном счете, следует признать необходимость поиска «нового жанра» для реализации как философских, так и литературных идей современного культурного дискурса, этим жанром вполне может оказаться «философский роман», прекрасно зарекомендовавший себя в пространстве русской мысли.

Между философией и литературой формируется общее пространство культурной коммуникации, возникает особый дискурс, предполагающий творческий диалог. Предметной составляющей этого диалога могут являться следующие проблемы, которые требуют своего рассмотрения в современной гуманитарной науке:

- проблема субъекта (человек без свойств; тело-без-органов);

- проблема реальности («вещизм» нового романа; постмодернистское сомнение);
- проблема жанра (поиск новых форм выражения мысли);
- решение вопроса о пространстве мышления (топосе) в гуманитарном дискурсе современности [18].

Список литературы

1. Философия и литература: проблемы взаимных отношений (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2009. – № 9. – С. 56–98.
2. Донских О. А. Философия как литература: способы представления // ΣΧΟΛΗ [Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция]. – 2014. – Том 8. – № 2. – С. 445–453.
3. Алексеев А. П. Образная ткань философского произведения (К вопросу о сопоставлении философии и литературы) // Вопросы философии. – 2011. – № 11. – С. 37–46.
4. Автономова Н. С. Философия и литература: формы взаимодействия в современной культуре // Дом Бурганова. Пространство культуры. – 2010. – № 4. – С. 172–180.
5. Хлебникова О. В. Классификация жанров философской литературы // Вестник КемГУ. – 2013. – № 4 (56) – Т. 1. – С. 201–207.
6. Азарова Н. М. Типологический очерк языка русских философских текстов XX в. Монография / Н. М. Азарова. – М.: Логос / Гнозис, 2010. – 250 с.
7. Многообразие жанров философского дискурса. Коллективная монография / Е. Ю. Базаров, И. С. Бельский, А. А. Еникеев [и др.] / под ред. В. И. Плотникова. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. – 276 с.
8. Еникеев А. А. Методологические парадигмы исследования философского текста // Гуманитарные и социальные науки. – 2019. – № 4. – С. 16–23.
9. Галковский Д. Е. Бесконечный тупик. В 2 тт. Издание третье, испр. и доп. / Д. Е. Галковский. – М.: Издательство Дмитрия Галковского, 2008. – 1240 с.
10. Золотухина О. И. Литературоцентричность русской истории в романе Д. Е. Галковского «Бесконечный тупик» // Вестник РУДН. Серия Литературоведение. Журналистика. – 2013. – № 4. – С. 15–22.
11. Максимова Е. С. «Национальная» интерпретация теории постмодернизма в романе Д. Галковского «Бесконечный тупик» // Известия вузов. Северо-кавказский регион. Общественные науки. – 2009. – № 2. – С. 113–116.
12. Оробий С. П. «Бесконечный тупик» Дмитрия Галковского: структура, идеология, контекст / С. П. Оробий. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010. – 224 с.
13. Руднев В. Энциклопедический словарь культуры XX века / В. Руднев. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. – 864 с.
14. Пятигорский А. Философская проза. Т. I: Философия одного переуллка. Роман / А. Пятигорский. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 240 с.
15. Торчинов Е. А. Путь дракона / Е. А. Торчинов. – М.: Группа компаний «РИПОЛ-классик» / «Пальмира», 2019. – 271 с.
16. Секацкий А. Три шага в сторону / А. Секацкий. – СПб.: Амфора, 2000. – 280 с.
17. Секацкий А. Дезертиры с Острова Сокровищ: Очерки / А. Секацкий. – СПб.: Лимбус Пресс, 2017. – 272 с.
18. Еникеев А. А. Проблема чтения и письма в контексте поэтики и прагматики философского текста // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2016. – № 122. – С. 867–887.

Enikeev A. A. Dialogue of Philosophy and Literature and Prospects of the “Philosophical Novel” as a Genre in the Humanitarian Culture of Modernities // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2020. – Vol. 6 (72). – № 1. – P. 24–34.

The article is devoted to the description of the problem of interaction between philosophy and literature in the humanitarian culture of modernity. It is suggested that the communicative nature of modern culture forces both literature and philosophy to look for the new forms of expression of the significant content of cultural tradition. Traditionally, it was believed that philosophy deals with the study of reality in rational categories and concepts, and literature is associated with the figurative and symbolic comprehension of reality. However, contemporary discussions on the subject point to a much closer relationship between philosophy and literature. Between philosophy and literature there is a certain genre affinity, which can be traced back to antiquity and is embodied in the modern "philosophical novel". The paper analyzes the features of the Russian philosophical novel on the example of two authors: D. Galkovsky and A. Pyatigorsky. Galkovsky's novel is of a pronounced "ideological" character, as it describes the historical and national character of Russian philosophy and literature. The article analyzes the main discussions around this work, defines the genre features of the text: fragmentation, literary-centricity, intertextuality, hypertextuality, "provocation". It is concluded that despite the "marginality" of the text of D. Galkovsky, it was quite indicative and characteristic of the Russian "postmodern" literature. A. Pyatigorsky's philosophical novels perform a different function in the humanitarian discourse of our time. Pyatigorsky's "philosophical novel" is a space of dialogue, where the characters enter into many verbal contacts, thereby expressing the essential purpose of man. The second feature of Pyatigorsky's novels is the pronounced cognitive function of the narrator, these are "novels of thinking". The third genre feature of Pyatigorsky's novels is the special position of the observer, which he describes as part of the "observational philosophy". The article concludes that the development of the genre of "philosophical novel" is promising, which will be relevant in solving the following problems of modern humanitarian discourse: the problems of the subject, reality, language, determining the place of the philosophical text in modern culture.

Keywords: humanitarian culture, text, philosophical novel, genre.

References

1. Filosofiya i literatura: problemy` vzaimny`x otnoshenij (materialy` «kruglogo stola») [Philosophy and Literature: the Problem of Mutual Relations (a Round-table Discussions)]. Voprosy` filosofii [Question of Philosophy]. 2009, № 9, pp. 56–98.
2. Donskix O. A. Filosofiya kak literatura: sposoby` predstavleniya [Philosophy as Literature: Forms of Representations]. ΣΧΟΛΗ [Scholē. Philosophical Antiquity and Classical Tradition]. 2014, Vol. 8, № 2, pp. 445–453.
3. Alekseev A. P. Obraznaya tkan` filosofskogo proizvedeniya (K voprosu o sopostavlenii filosofii i literatury`) [The Figurative Fabric of a Philosophical Work (On the Question of the Comparison of Philosophy and Literature)]. Voprosy` filosofii [Question of Philosophy]. 2011, № 11, pp. 37–46.
4. Avtonomova N. S. Filosofiya i literatura: formy` vzaimodejstviya v sovremennoj kul`ture [Philosophy and Literature: Forms of Interaction in Modern Culture]. Dom Burganova. Prostranstvo kul`tury` [House Burganova. Space of Culture]. 2010, № 4, pp. 172–180.
5. Xlebnikova O. V. Klassifikaciya zhanrov filosofskoj literatury` [Classification of Genres of Philosophical Literature]. Vestnik KemGU [Bulletin of Kemerovo State University]. 2013, № 4 (56), Vol. 1, pp. 201–207.
6. Azarova N. M. Tipologicheskij ocherkazy`ka russkix filosofskix tekstov XX v. Monografiya [A Typological Sketch of the Language of Russian Philosophical Texts of the Twentieth Century. Monography]. – Moscow, Logos / Gnosis, 2010, 250 p.
7. Mnogoobrazie zhanrov filosofskogo diskursa. Kollektivnaya monografiya [The Diversity of the Genres of Philosophical Discourse. Collective Monography]. Ekaterinburg, Bank kul`turnoj informacii, 2001, 276 p.
8. Enikeev A. A. Metodologicheskie paradigmy` issledovaniya filosofskogo teksta [Methodological Paradigms of the Study of Philosophical Texts]. Gumanitarny`e i social`ny`e nauki [Humanities and Social Sciences]. 2019, № 4, pp. 16–23.
9. Galkovskij D. E. Beskonechny`j tupik. V 2 tt. Izdanie tret`e, ispr. i dop. [Endless Deadlock]. Moscow, Izdatel`stvo Dmitriya Galkovskogo, 2008, 1240 p.
10. Zolotuxina O. I. Literaturocentrichnost` russkoj istorii v romane D. E. Galkovskogo «Beskonechny`j tupik» [Literary-Centricity of Russian History in D. E. Galkovsky's Novel "Endless Deadlock"]. Vestnik RUDN. Seriya Literaturovedenie. Zhurnalistika [Bulletin RUDN University. Literary Studies Series. Journalism]. 2013, № 4, pp. 15–22.

11. Maksimova E. S. «Nacional'naya» interpretaciya teorii postmodernizma v romane D. Galkovskogo «Beskonechny'j tupik» [The “National” Interpretation of the Theory of Postmodernism in the Novel by D. Galkovsky's “Endless Deadlock”]. *Izvestiya vuzov. Severo-kavkazskij region. Obshestvenny'e nauki* [Izvestiya Vuzov. North Caucasus Region. Social Science]. 2009, № 2, pp. 113–116.
12. Orobij S. P. «Beskonechny'j tupik» Dmitriya Galkovskogo: struktura, ideologiya, kontekst [Dmitry Galkovsky's “Endless Deadlock”: Structure, Ideology, Context]. Blagoveshhensk, Izd-vo BGPU, 2010, 224 p.
13. Rudnev V. E`nciklopedicheskiy slovar` kul'tury` XX veka [Encyclopedic Dictionary of Twentieth Century Culture]. Saint Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus, 2017, 864 p.
14. Pyatigorskij A. Filosofskaya proza. T. I: Filosofiya odnogo pereulka. Roman [Philosophical Prose. Vol. I: Philosophy of One Lane. Novel]. –Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2011, 240 p.
15. Torchinov E. A. Put` drakona [The Way of the Dragon]. Moscowm, Gruppa kompanij «RIPOL-klassik» / «Pal'mira», 2019, 271 p.
16. Sekaczkiy A. Tri shaga v storonu [Three Steps to the Side]. Saint Petersburg, Amfora, 2000, 280 p.
17. Sekaczkiy A. Dezertiry` s Ostrova Sokrovishh: Ocherki [Deserters from the Island of Treasures: Essays]. Saint Petersburg, Limbus Press, 2017, 272 p.
18. Enikeev A. A. Problema chteniya i pis'ma v kontekste poe`tiki i pragmatiki filosofskogo teksta [The Problem of Reading and Writing in the Context of Poetics and Pragmatics of the Philosophical Text]. Politematicheskij setevoj e`lektronny`j nauchny`j zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta [Politematic Network Electronic Scientific Journal of the Kuban State Agrarian University]. 2016, № 122, pp. 867–887.